

Эмоциональная и социальная семантика слова: векторы пересекваемости¹

В статье рассматривается взаимодействие лексико-семантических классов слов, относящихся к эмотивной и социальной лексике. Регулярное совмещение этих классов находит отражение в идеографических словарях, создаваемых коллективом под руководством Л. Г. Бабенко. На материале лексики поведения анализируются словарные толкования единиц, в которых отражается принадлежность слова к двум таксономическим зонам и в которых эмоции описываются в аспекте их социальных проявлений. Ставится вопрос о том, каким образом совмещение значений может быть отражено в словарных дефинициях. Связь эмоциональной и социальной семантики проявляется также на уровне сем, которые носят имплицитный характер и обнаруживаются благодаря контексту. В качестве примера имплицитной семы рассматривается сема социального статуса лица. Характеризуются отрицательные номинации лица, в которых эмоционально-оценочное значение обусловлено наличием социального компонента. Использование отрицательных номинаций лица в речи связано с понижением значимости, принижением какой-либо роли адресата, резком увеличении дистанции между адресантом и адресатом речи, что формирует эмоциональные смыслы унижения, оскорбления, презрения. Фасетный подход к идеографической классификации позволяет показать многомерность и гибкость лексико-семантической системы.

Ключевые слова: эмоции, социальный компонент, семантика, пересекваемость классов слов.

Одной из основополагающих идей, развиваемых научным коллективом под руководством Л. Г. Бабенко, является идея пересекваемости лексических парадигм, нашедшая отражение как в теоретических работах, например, в монографии «Русская глагольная лексика: пересекваемость парадигм» [1], так и в лексикографических проектах. Если вспомнить историю создания идеографического словаря русских глаголов, стоит заметить, что в проспекте этого словаря [2] использовалась словарная помета «совм.» (совмещенное), от которой авторы впоследствии отказались, однако идея пересекваемости классов воплотилась не только в глагольном словаре, но и в других словарных проектах.

Мысль о пересечении лексико-семантических классов слов звучала еще в монографии Л. Г. Бабенко «Лексические средства вы-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

ражения эмоций»: «Эмотивная лексика в целом обнаруживает слабые центробежные и сильные центростремительные силы. Она пересекается с лексикой самых разных семантических групп, в том числе с лексикой уничтожения/разрушения, движения, качества, физиологического состояния и болезни, температурных характеристик, отделения/разделения» [3].

В монографии «Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм» Л. Г. Бабенко обращается к исследованию глаголов комплексной полипропозитивной семантики, которые распределяет по двум классам: глаголы с включенной и совмещенной пропозицией. Характерной особенностью и результатом включения и совмещения пропозиций является пересекаемость глаголов с другими глагольными классами, т. е. один и тот же глагол способен входить в две и более ЛСГ. Л. Г. Бабенко так объясняет когнитивную сущность подобных процессов: «Семантика полипропозитивных глаголов содержит знания о регулярных связях различных процессов в действительности и, следовательно, о пересекаемости концептосфер. Это обусловлено тем, что их семная структура содержит информацию о двух и более концептах, каким-либо образом соотношенных и связанных. Можно предположить вследствие этого, что полипропозитивные глаголы поликонцептуальны» [4]. Именно сложная полипропозитивная семантика глаголов обуславливает пересекаемость классов слов и затрудняет их однозначную отнесенность к той или иной группе слов.

В рамках данной статьи остановимся на пересекаемости классов слов, входящих в семантические группы «Эмоции» и «Социальная сфера жизни человека». Эта пересекаемость, естественно, регулярно обнаруживается в контекстах, когда явления социальной жизни человека получают эмоционально-оценочное осмысление, например:

Для меня Родина — не только страна, где я родился, но и эпоха, в которой я вырос и жил. И меня невольно охватывает ностальгия по невозвратно миновавшему времени «поющих шестидесятых», поре недолгих юношеских надежд, короткой хрущевской оттепели и первой волны гласности, вызвавшей к жизни среди прочего такое странное явление, как авторская песня, охватывает печаль по ушедшим из жизни друзьям (А. Городницкий).

Возможны и случаи совмещения эмоционального и социального компонентов значений, которые получают отражение в словарных толкованиях. Например, синонимический ряд с доминантой

«лицемерие» зафиксирован в группе «Неискренность», входящей в денотативную сферу «Эмоции», и в группе «Честное и нечестное поведение человека», относящейся к денотативной зоне, обозначенной как «Социальная сфера жизни человека». Включение данных единиц в обе группы представляется вполне оправданным и обусловленным комплексной семантикой, зафиксированной и в толкованиях традиционных словарей, ср.: лицемерие — ‘поведение, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью’ [5].

Пересечения эмоционального и социального охватывают целые семантические классы. Например, в сфере «Эмоции» выделяется класс «Смелость — трусость». Можно предположить, что лексические единицы, соотносимые с семантикой трусости и содержащие в своих значениях компоненты *страх*, *боязнь*, в большей степени связаны с эмоциональным состоянием человека, чем их оппозитивные корреляты *смелость*, *храбрость*, *героизм*, *мужество*, *отвага*, *удаль*, имеющие социальный смысл. Это предположение находит свое подтверждение в контекстах, где такие имена качеств, как *храбрость*, *героизм*, *мужество* соединяются с социальными смыслами выполнения долга, борьбы, испытаний. Вместе с тем и то, и другое качество (трусость и смелость) имеют и психофизиологическую основу, проявляются в поведении и речи, и даже могут рассматриваться как свойства, присущие человеку изначально:

«И вот, представь себе, ген, ответственный, например, за голубую окраску радужной оболочки, находится непосредственно рядом с геном, обуславливающим трусость или мужество!» (Л. Улицкая).

Все эти факторы определяют сложности в работе лексикографа, которому необходимо дать такое толкование значения, отражающее комплексность семантики слова и отвечающее требованию полноты и достаточности. Справедливо критикуя замкнутый круг в толкованиях слов, называющих эмоции или характеризующих черты характера человека, И. М. Кобозева и Н. Ю. Лукашевич предлагают описывать такие имена через шаблоны поведения. Вводя термин «шаблон» для описания слов, называющих черты характера, И. М. Кобозева и Н. Ю. Лукашевич пишут о том, что шаблон поведения представляет собой естественно-логическую импликацию типа: если человек с чертой характера X оказывается в ситуации типа Y, то он с высокой вероятностью проявляет поведение типа Z. В онтогенезе шаблоны поведения, по-видимому, усваиваются вме-

сте с соответствующими словами, представленными в контексте «лучших примеров», т. е. описаний ситуаций наиболее яркого проявления данной черты характера. Для установления шаблонов поведения, как и других стереотипов, по мнению И. М. Кобозевой и Н. Ю. Лукашевич, могут быть использованы как экспериментальные методы на ономаσιологическую пригодность слова, так и методы семантического анализа, основанные на анализе репрезентативной выборки контекстов и сочетаемости исследуемых единиц. В результате авторы предлагают давать толкования, аналогичные тому, что приводится для слова «откровенный»:

Человек X — искренний = если X говорит о своих чувствах, желаниях, убеждениях или демонстрирует их своими действиями, то X действительно имеет соответствующие чувства, желания или убеждения и демонстрирует их не для того, чтобы получить выгоду для себя. Такой человек, например, если во время чествования известного артиста подходит поздравить юбиляра, то не «по служебной необходимости», а потому что действительно восхищается его талантом; если называет себя другом, то не перестанет общаться с человеком потому, что узнал, что родственник того сидел в тюрьме; признается в любви объекту своих чувств, даже если знает, что скорее всего будет отвергнут; если вступает в какую-либо политическую партию, то потому, что разделяет ее взгляды [6].

Как видно из приведенного примера, эмоциональное описывается через социальные проявления, сущности внутреннего мира человека способны определять социальное поведение человека.

Однако в словарях наблюдается также противоположная тенденция, когда при семантизации социальных понятий лексикограф окружает их эмоционально-оценочным фоном, например, в толковании синонимического ряда ставленник, книжн. креатура, книжн. протеже ('тот, кто получил место, должность с помощью какого-либо влиятельного лица, воспользовался чьим-либо покровительством') в словаре синонимов в специально выделенной зоне прототипа содержится следующее указание: Человек, который получает место благодаря протекции, часто демонстрирует личную преданность влиятельному лицу. Такой человек и его поведение обычно оценивается отрицательно.

Итак, словарные толкования свидетельствуют о взаимодействии эмоциональных и социальных составляющих значений. Как показывают статистические данные, такое взаимодействие в наиболее явном виде обнаруживается на уровне пересечения семантической группы «Поведение человека и морально-нравственная оценка поведения» со сферой «Эмоции». Например, по данным

словаря-тезауруса синонимов русской речи, синонимические ряды таких идеографических групп сферы «Эмоции», как «Неприятность», «Презрение», «Унижение», «Привычка», «Дружелюбие», «Отчуждение», «Враждебность», «Одобрение», «Уважение», «Воля», «Стойкость», «Смелость», «Удаль», «Трусость», «Забота», «Жестокость», представлены в группах, обозначающих поведение человека. В то же время лексические единицы социальной сферы, например, синонимы группы «Социальное взаимодействие» и «Социальное противодействие» пересекаются со сферой «Эмоции». Проиллюстрируем это конкретным примером. Доминанта синонимического ряда слова «ссора» определяется в традиционных толковых словарях через идентификатор «состояние» («состояние взаимной вражды»), что позволяет включать слова этого ряда в сферу «Эмоции». «Ссора» предполагает и определенные действия, связанные с противостоянием, борьбой, конфликтами. Некоторые контексты явно свидетельствуют о социальной сущности ссоры при подавлении эмоционального содержания: «...где я только ни бываю, почти везде царят несогласие, раздор, неверие, ссоры или полный разлад, совсем нет прежней патриархальной жизни, нигде нет ничего отрядного» (о. Иоанн Кронштадский). В других контекстах, напротив, преобладает эмоциональная составляющая: «Он несколько раз пытался со мной объясниться, я вижу, он страдает из-за нашего разлада, но я ничего не могу с собой поделать» (Л. Улицкая).

Связь эмоционального и социального проявляется не только на уровне компонентов, получающих экспликацию в словарных толкованиях, но и на уровне тех сем, которые носят имплицитный характер.

Социальный компонент значения может быть обусловлен статусом лица, когда между участниками обозначенной словом ситуации устанавливаются иерархические отношения. Например, *дерзить* предполагает, что статус субъекта ниже статуса адресата [7]. Если подобные иерархические семы попадали в поле зрения ученых и лексикографов (см. работы И. Е. Кима, В. И. Карасика, Л. П. Крысина), то конвенции социального поведения, имплицитированные в значение слова, не всегда осмысляются и требуют реконструкции значения, например: глагол *пожаловать*, входящий в синонимический ряд *приходить, прибывать, являться* и др., нейтрализуя компоненты «цель» и «место», актуализирует социальные

признаки значения: нанесение визита, отношение к прибывшему (уважительное или, напротив, неуважительное).

Эксплицитно выраженный статусный компонент значения обязательно ведет к наличию эмоционального содержания. Чаще всего номинации лиц по социальному статусу используются в функции референции лица и фиксации его социальной роли в той или иной ситуации (*Со словами напутствия выступил глава администрации Железнодорожного района*). Если в качестве предиката выступает слово, называющее лицо по поведению, то совмещение эмоционального и социального становится неизбежным: *«Бухарин был объявлен изменником Родины, предателем революции, шпионом иностранных разведок и заклеямен изобретенным еще для Троцкого определением — «враг народа»* (Б. Ефимов). В приведенном примере мы видим соединение именных групп, образующих семантико-синтаксический кластер, наделенный эмоционально-оценочными смыслами. Социальный компонент скрыт в значениях таких единиц, которые Л. Г. Бабенко называет имплицитными (скрытыми) включенными предикатами эмоций с дифференциально-эмотивной лексической семантикой (например, *изменник, предатель, шпион*).

Использование таких единиц, как *нахал, хам, мразь* и др. пейоративных номинаций осуществляется при коммуникативном действии «унижение», всегда связанным с понижением социального статуса, который говорящий оценивает как не соответствующий своему социальному статусу. В высказываниях, содержащих такие слова, доминирующей интенцией говорящего является выражение презрения к адресату (об этом, в частности, свидетельствуют и соответствующие пометы в словарях). По словам Т. А. Быценко, «воздействующим стимулом презрения является некоторое действие, составляющее конкуренцию/соперничество субъекту либо не соответствующее стандартам цивилизованного поведения. Он оценивает данное действие как враждебное и неприемлемое. Объект презрения обесценивается в глазах субъекта, при этом одновременно возрастает собственная значимость субъекта, его превосходство над объектом презрения» [8]. Пониженная статусная оценка сочетается с враждебными эмоциями разной степени силы (презрение, пренебрежение, демонстрация неуважения).

Приведенные примеры взаимодействия эмотивных и социальных компонентов на уровне прагматических компонентов значения показывают, что в этом взаимодействии ведущую роль выполняют эмотивные компоненты, которые обусловлены наличием в значении имплицитного указания на социальный статус лица.

В свою очередь, сложность эмоциональной палитры и разнообразие тех эмоциональных состояний и качеств, которые отражены в лексике эмоций, связаны с фокусировкой на внешних проявлениях эмоций, на сложном переплетении эмоционального и социального, отображенного именами свойств, качеств, отношений (например, такими как *дружба, вражда, ссора*). Фасетный принцип классификации, используемый в идеографических словарях коллектива под руководством Л. Г. Бабенко, позволяет увидеть комплексность, разветвленность, гибкость этой системы пересекающихся классов слов, что определяет широкие возможности выражения разнообразных семантических и прагматических контекстных смыслов.

Примечания

1. Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: памяти Эры Васильевны Кузнецовой / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997.
2. Толковый тематический словарь русских глаголов: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1992.
3. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
4. *Бабенко Л. Г.* Глаголы комплексной полипропозитивной семантики // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: памяти Эры Васильевны Кузнецовой / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997. С. 47.
5. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1994.
6. *Кобозева И. М., Лукашевич Н. Ю.* Универсальный семантический базис сопоставительного изучения лексики // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 57.
7. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим руководством Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М., 2004. С. 246.
8. *Быценко Т. А.* О когнитивной основе реализации экспрессивов презрения // Культура народов Причерноморья. 2006. Т. 1. № 82. С. 51.

Overlapping emotional and social semantics of words

The article discusses interactions between lexical and semantic classes of emotive and social words. Ideographic dictionaries created by the team of Ludmila Babenko demonstrate regular overlapping of these word classes in the Russian language. The article focuses on the words describing behavior and analyzes their dictionary definitions, which show that words can belong to two taxonomic zones and describe emotions through their social manifestations. The question which is discussed in this article is how such overlapping of meanings can be reflected in dictionary definitions. Connection between the emotional and social semantics also manifests itself on the level of semes,

which are implicit and are revealed through the context. An example of such implicit seme can be a seme of the person's social status. In a negative nomination of a person, emotional and evaluative characterization is determined through the social component. Negative nominations of persons in speech are associated with denigration, depreciation of their role and a sharp increase in the distance between the speaker and the addressee, which creates emotional meanings of humiliation, offence, and disdain. The faceted approach to ideographic classification brings to light the diversity and flexibility of the lexico-semantic system.

Keywords: emotions, social component, semantics, overlapping of word classes.

© Н. В. Позднякова

МГТУ им. Г. И. Носова, Магнитогорск

Роль советских агитплакатов в современной коммуникации¹

Современная коммуникация невозможна без плакатов, степень воздействия которых зависит не только от таланта художника, вложившего смысл в рисунок, но и от семантики языковых единиц, являющихся неотъемлемой частью визуального образа, от их графического и синтаксического оформления.

Образцами являются советские агитационные плакаты, которые используются до сих пор, во-первых, из-за узнаваемости визуального образа; во-вторых, из-за их счастливо сложившихся судеб в коммуникативном пространстве советской эпохи. Автор статьи на примере самых популярных плакатов «Ты записался добровольцем?» и «Родина-мать зовет!» рассматривает различные сферы использования визуальных средств в современном дискурсе. При этом содержание плакатов подвергается разнообразным изменениям: трансформируется или сам центральный образ, или надпись на плакате, или же в изображение привносится дополнительная атрибутика (в том числе за счет цвета), отражающая ту или иную сферу употребления визуального средства. Автор, анализируя варианты советских плакатов, ставших инструментом современной идеологии, приходит к выводу о том, что они не обладают суггестивной силой «подлинников», т. к. не соблюдается синхронный эстетический код, позволяющий правильно декодировать содержание сообщения.

Ключевые слова: агитплакат, советский плакат, «Ты записался добровольцем?», «Родина-мать зовет!», коммуникативное пространство, политехнологии.

Современные политехнологии не могут обойтись без различных визуальных средств, среди которых агитплакат до сих пор сохраняет видное место. Это обусловлено главной функцией плаката — его воздействием на широкие массы: он может обращаться ко всем сразу или к каждому в отдельности.

---

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РФНФ «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности» (2015, № 15-24-06001a(м)).